

ВОСПИТАНИЕ
И
ОБРАЗОВАНИЕ

ШАЛВА АМОНАШВИЛИ

КАК ЛЮБИТЬ ДЕТЕЙ

ШКОЛА ЖИЗНИ

Воспитание и образование

Шалва Амонашвили

**Как любить детей.
Опыт самоанализа**

«Свет»

2017

УДК 37.01+ 371.4
ББК 74+74.00+74.200

Амонашвили Ш. А.

Как любить детей. Опыт самоанализа /
Ш. А. Амонашвили — «Свет», 2017 — (Воспитание и
образование)

ISBN 978-5-413-01612-1

«Я понял, что детей надо любить не только красиво, но с чувством глубокой ответственности за их будущее, их надо любить всей своей жизнью, надо любить постоянно. А это значит – заботиться о них, о каждом из них, не услаждать их байками о «светлом будущем», а вдохнуть в них мужество бороться против тьмы, учить их самим стоять, облагораживать жизнь для себя и для других и защитить ее». Таков вывод автора книги, который сделал попытку осмыслить свою богатую педагогическую жизнь с целью проследить за зарождением и становлением в нём любви к детям.

УДК 37.01+ 371.4
ББК 74+74.00+74.200

ISBN 978-5-413-01612-1

© Амонашвили Ш. А., 2017
© Свет, 2017

Содержание

Истоки моей любви	7
Любили ли меня учителя?	9
Я – герой	10
Я прячусь в кухне	12
Контрольная для учителя	13
Английский грузинскими буквами	14
Единица на всех, шишки по голове каждому	15
Я знаю «Эй, би, си, ди»...	16
Созвездие учителей	17
Мы очарованы. Что дальше будет?	18
Что в имени учителя	19
Подарок	20
Она – моя	22
Мы смотрим на тихо плачущую учительницу	23
Во мне поэтический дар	24
Она готовила меня для спасения	25
Момент истины	26
Героическая Любовь	28
Тетрадь для математики и стихов	30
Люби ближнего своего как себя самого	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Шалва Амонашвили

Как любить детей. Опыт самоанализа

«Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём».

Св. Апостол Иоанн

«Люблю неправых в жизни излечить Любовью».

Живая Этика

«Заповедь: люби ближнего своего – это гармония, простор, свобода. Глянь вокруг – улыбнись!»

Януш Корчак

«Если учитель имеет только Любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только Любовь к ученику, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочёл все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе Любовь к делу и ученикам, он – совершенный Учитель».

Лев Николаевич Толстой

«Возлюби Ребёнка. Возлюби его сильнее, чем самого себя. Уверуй, что Ребёнок чище, лучше, честнее, талантливее тебя. Всего себя отдавай детям и только тогда сможешь именоваться Учителем».

Василий Александрович Сухомлинский

«В Любви Ребёнок находит вдвое больше источник роста».

Иоанн Генрих Песталоцци

Дорогой Коллега!

Вопрос – как любить детей – вечен для педагогики. Но не для педагогики как академической науки, а педагогики как уникального единства науки и высокого искусства, как образа жизни, как состояния духа.

Обидно, что педагогическая наука не стремится к синтезу с педагогическим искусством, с тем, чтобы на этой основе стать мощным двигателем поступательного развития нашего общества.

Но еще обиднее, когда она вовсе противоречит искусству воспитания, в основе которого лежит безграничная любовь к детям. Мы должны признать, что не сможем решить насущные, жизненные проблемы гуманной педагогики, если тысячекратно не будем возвращаться к тому, что школе нужно, прежде всего, научиться любить детей.

Образовательное пространство должно быть заполнено до краев

духовной,

утонченной,

мудрой,

одухотворяющей,

жертвенной

любовью воспитателей и учителей к своим детям, ученикам.

Для гуманной педагогики это аксиома.

Но нужно еще понять – как, именно как – любить детей и каждого Ребенка, чтобы любовь стала самой действенной и доброй силой воспитания. Сколько нас – учителей и воспитателей на Земле – столько же ответов мы можем получить на этот вопрос – как. Если каждый из нас тысячу раз возвращался бы к осмыслению качества своей любви к детям, я полагаю, мы бы постигли мудрость педагогической любви. Наверное, это и стало бы для нас самым высшим профессиональным достижением.

Много раз я читал прекрасную книгу Януша Корчака – «Как любить ребенка», читаю и перечитываю «манифест» Василия Александровича Сухомлинского – «Как любить детей». И, размышляя над идеями этих мыслителей, я решил заглянуть в свой внутренний мир и заняться самоанализом.

Истоки моей любви

Чувствую, мне надо разобраться в сути и могуществе Педагогической Любви. Она вошла в меня не с фанфарами и не через потрясения, не с детства или с первого взгляда, а незаметно, без часа и дня, без месяца и года.

Я знаю только, что было время, когда Педагогической Любви (как казалось тогда) во мне не было. Может быть, лучше сказать: я не чувствовал, не подозревал, что родился с искрой такой Любви в душе, родился, чтобы гореть в ней. Если бы я обнаружил эту искру в себе тогда, будучи учеником, я попытался бы вырвать её из себя, погасить немедленно.

Но теперь я знаю, она осталась во мне. И она – Педагогическая Любовь, это прекрасное пламя, движет мною. Она питает смысл моей жизни, она пронизывает моё сознание, мою жизнь. Именно она заставляет спешить к детям, радоваться им и скучать по ним, общаться с учителями, писать книги, совершенствоваться в себе всё – и свой характер, и знания, и педагогическое искусство.

Но что это такое – Педагогическая Любовь, Учительская Любовь? Да разве не хватит Ребёнку материнской Любви, родительской Любви, зачем еще Учительская?

И почему наука педагогическая (даже психологическая) не только о Великой Любви, а просто о любви говорить не любит? Все учебники педагогики, – новые, старые, – в которых должны быть отражены достижения науки и забота о подготовке будущих учителей, о Любви к детям молчат, как будто в рот воды набрали. Что такое Любовь и должен ли учитель любить детей, должен ли знать, как нужно их любить? Эти вопросы для учебников не существуют. И я делаю свой вывод: значит, сама наука слепа, раз не замечает Всеначальную Энергию Жизни в целом, и в образовании в частности.

Но Бог с ней – с современной наукой.

Для меня существует более возвышенная Педагогика, она вечна, она от Высшего Света. Это есть Учения Классиков: Марка Фабия Квинтилиана, Яна Амоса Коменского, Жан Жака Руссо, Иоганна Генриха Песталотци, Константина Дмитриевича Ушинского, Якова Семёновича Гогобашвили, Марии Монтессори, Януша Корчака, Антона Семёновича Макаренко, Василия Александровича Сухомлинского. Любовь – основа их учений. Они свои учения для того и создавали, чтобы утвердить Любовь как Основной Закон Образования, из которого могут быть выведены определения, называемые методами, принципами, школой, уроком, реформой и т. п.

Любовь ко всему хорошему воспитывали во мне мама, бабушка, дедушка. В детстве я не был злым, не был самолюбивым. Да, был шалуном и доставлял родным много волнений и беспокойства. Но меня любили, и я любил.

Во мне осталась память об отце, который добровольно ушёл на фронт и погиб в Крыму в начале Великой Отечественной войны. Память об отце тоже возвращала во мне любовь.

И, вообще, все добрые воспоминания детства и юности, и последующих периодов тоже, до сих пор теплятся во мне, и я постоянно общаюсь с ними. Дмитрию Сергеевичу Лихачёву принадлежит мудрость: «Воспитываться в моральном климате памяти». Моральный климат памяти во мне постоянно занимается этим.

Много чего я любил в детстве.

Любил, когда бабушка перед сном садилась у изголовья моей кровати и начинала нашептывать мне молитвы. Я полюбил бабушкины молитвы, они успокаивали меня, ласкали мою душу. Я запомнил их, а спустя десятилетия сам читал их моим детям перед сном, читал внукам. Эти молитвы, которые я порой, дразня бабушку, высмеивал, – «Бога нет, бабушка, Бога нет!», – оказались семенами моей веры, которая выросла во мне тоже спустя десятилетия.

Любил быть рядом с дедушкой, когда он работал в винограднике или же выжигал известь. Он выслушивал мои «научные» речи, а я глотал, как виноградные гроздья, его мудрость, впитывал его философию крестьянина. Дедушка сеял в моей душе семена, которые зародили во мне мировоззренческие начала.

Любил ласки и заботу матери. Ласки её были нежными, хотя она не баловала меня ими, а забота была чуткая и требовательная. Я часто сердил её – у меня было много двоек по разным предметам. Не потому, что не хотел учиться или был лодырем. А потому, что не понимал своих учителей, их объяснения, а они без сожаления ставили мне двойки. Мама плакала из-за моих плохих отметок, ибо воображала в них мою будущую несостоятельность. У меня сжималось сердце от слёз матери. Я, конечно, прекрасно понимал, каково ей было, молодой женщине, вдове погибшего на фронте мужа, одной воспитывать двоих детей (у меня есть сестра младше меня на семь лет). А она мечтала воспитывать нас такими, чтобы отец, если душа его видит нас, радовался и гордился нами и мамой. Эта забота матери возвращала во мне особую любовь – любовь с пониманием долга, с пониманием преданности.

Любил я писать стихи, пьесы, философские эссе, ставить спектакли.

Я полюбил жизнь.

Любили ли меня учителя?

Школу я, конечно, любил.

Там, в школе, свершались главные каждодневные события моей жизни. Они происходили в её длинных коридорах и укромных уголках большого двора, где можно было пошалить, подраться, повстречаться с друзьями, обменяться марками, спичечными коробками, скрепить дружбу, дать друг другу списать и т. д. и т. п. Это была жизнь, а я ее любил.

Школу-то я любил, но это не значит, что также любил своих учителей, или спешил в школу лишь для того, чтобы их увидеть, с ними пообщаться. Причину, которая объясняет это обстоятельство, я бы назвал законом взаимности: недолюбливал своих учителей, потому что чувствовал – они тоже недолюбливали меня, слабого.

Конечно, они по-своему любили всех детей и среди них меня тоже, но эта любовь ни к чему их не обязывала. Были у них любимчики, те, которые чем-то угождали им, всегда всё выполняли, слушались, или были талантливыми. Но и эта любовь была связана с условностью: если кто переставал быть примерным или разочаровывал в своих способностях, то терял любовь учителя. Само слово «любимчик» – весьма сомнительное понятие, далёкое от Педагогической, от Учительской Любви.

Знали ли мои учителя, как надо любить детей и каждого отдельного Ребёнка?

Думаю, такой вопрос – как любить детей, как любить своих учеников – у них не возникал.

Как они нас любили?

Любили своими заштампованными серыми уроками, бесконечными нудными домашними заданиями и проверками, вызовами к доске и выставлениями отметок; любили своими раздражениями и угрозами, контрольными работами и исправлениями ошибок; любили своими оскорблениями и строгостями, наказаниями и вызовами родителей; любили прохождением программ, успеваемостью в процентах и соблюдением так называемой сознательной дисциплины. Они не очень-то трудились, чтобы во всю эту дидактическую мишуру вложить хоть чуточку своей души, вложить хоть чуточку уважения к нам. Заметно было, что многие учителя больше любили саму власть над нами, чем нас самих.

Но закон взаимности действовал неумолимо.

И мы отвечали на любовь наших учителей своей «любовью». То и дело срывали уроки, удирали с уроков, запасались шпаргалками, списывали друг у друга, исхитрялись, обманывали и т. д. и т. п. У нас было выработано множество способов для самозащиты. Одновременно обнажалась наша беспомощность: унижались перед ними, умоляли не ставить плохих отметок, не вызывать родителей.

Я – герой

С 1942 года нас с девочками разъединили, и я стал учеником четвёртого класса мужской школы.

И вот урок русского языка.

Входит в класс пожилая учительница, её называли заслуженной. Она – автор учебников. У неё строгое, недовольное лицо.

Мы встаём.

– Здравствуйте... – произносит она не тоном доброжелательного приветствия, а с некоей угрозой – «Сейчас посмотрим, с чем вы пришли».

Все хором и громко отвечают:

– Здрааавствуууитеее... – и в этом ответном приветствии тоже не звучит радость встречи с учительницей, с предстоящим уроком русского языка.

У меня весёлое настроение, и в хоровом «здравствуйте» выделилось моё «драп-ту-пите»... Откуда такое пришло в голову, не знаю.

Учительница ошеломлена. Видимо, такое с ней ещё никто себе не позволял.

– Кто это?! – грозно закричала она.

– Я... – говорю, и самому хочется смеяться над своей дерзостью.

Конечно, я тогда не думал о том, что со мной будет, точнее, как она со мной поступит.

Если бы она любила меня Учительской Любовью, поступила бы совсем по-другому. Но она так заорала, что дети испугались. Она говорила какие-то русские ругательные слова, из которых я понял: надо выйти из-за парты и постоять в углу лицом к стене.

Это не испортило моего настроения. То и дело я оборачиваюсь и, уловив момент, гримасничаю. Дети смеются, мне хорошо.

– Вон из класса!.. – закричала она вдруг, и сама вытолкнула меня за дверь.

Классная комната на первом этаже. Окна выходят во двор. Я бегу во двор. Там сооружён спортивный городок. Встаю по железной лестнице, перелезаю на шест и спускаюсь вниз. Качаюсь на перекладине.

Мои одноклассники смотрят на меня. Смеются, кто-то, может быть, завидует.

Учительница опять разразилась. Вызывает завуча и требует, чтобы тот забрал меня и строго наказал.

Он ведёт меня и наказывает: велит постоять у своего кабинета весь оставшийся урок. Потом делает строгое внушение и отправляет меня в класс.

Ребята окружают меня, спрашивают:

– Ну, как?

– Да никак! – говорю я, но чувствую себя героем.

У меня появляется отвращение к учительнице и к урокам русского языка.

У меня переэкзаменовка.

Я заканчиваю шестой класс.

Учительница химии назначает мне переэкзаменовку. Я умоляю её поставить мне тройку, обещаю, что впредь буду учиться хорошо.

Я чувствую, если мама узнает, что у меня переэкзаменовка, она заплачет, ей будет стыдно перед близкими и соседями за своего сына. Мне будет больно видеть, как она плачет. Не хочу обидеть её. Кроме того, что я скажу бабушке и дедушке, у которых собираюсь провести в деревне всё лето? Они гордятся мною, и вот приехал внук-двоечник!

Но учительница химии стоит на своём.

– Ты ничего не знаешь по химии...

Я ухитрился скрыть свою двойку от матери и уехал в деревню с учебником химии. Каждый день скрывался в виноградниках и зубрил параграфы и формулы.

В конце августа я заявил бабушке, что еду в Тбилиси.

– Почему?! – удивилась она. – До первого сентября ещё целая неделя...

Но я поехал в Тбилиси и поспешил в школу пересдать химию.

В кабинете химии моя учительница, кстати, весьма красивая женщина, ведёт светскую беседу с другим учителем. Я долго жду. Наконец она оборачивается ко мне, но говорит своему собеседнику:

– Представляете, как этому лодырю повезло? Если бы министерство не упразднило бы курс химии в шестом классе, я бы его оставила на второй год. Но вот досада, изучение химии сейчас начинается с седьмого класса...

Я сразу не понял, в чём дело, испугался.

А она говорит уже мне:

– К сожалению, ты проскочил в седьмой... Экзамена не будет... Но рано тебе радоваться...

Это ли Учительская Любовь к своему ученику?

Закон взаимности принуждает меня недолгобливать эту красивую женщину.

Я прячусь в кухне

Это тоже в шестом классе.

Учительница русского языка (теперь уже другая), пожилая женщина, она же руководительница класса, грозит, что не переведёт меня в седьмой класс.

Да, я не знаю русского языка, не имею в семье речевую среду. А в школе учительница только и делает, что ставит мне двойки. Я стараюсь учить наизусть тексты без понимания смысла, но это меня не спасает. Списывать во время контрольных работ тоже не всегда удаётся, она как будто только за мною следит, чтобы я не «жульничал».

У меня накапливаются двойки по математике, по физике, по английскому. Я, получается, круглый двоечник. Что делает моя классная руководительница?

Она кладёт классный журнал в свой чёрный портфель и вечером, неожиданно, приходит к нам домой.

Я понимаю, это не к добру.

Прячусь в кухне.

Мама тоже напугана: что же я такое натворил, что классная руководительница сама приходит, с мрачным лицом садится у обеденного стола и достаёт из своего чёрного портфеля журнал.

– Маро, – говорит она маме, – плохи у твоего сына дела. Вот смотри, – и показывает в журнале против моей фамилии жирно написанные цифры, – два... два... два... два... два... Что делать? Он в следующий класс не перейдёт... Может, направить его в фабрично-заводское училище?..

Она не спрашивает маму, как та одна справляется с воспитанием двоих детей, на что семья живёт, чем она болеет, чем сын увлечён, что ему мешает хорошо учиться...

Она встаёт и уходит, оставив в семье горе.

Мама заплакала, у неё больное сердце.

Я тоже заплакал от безысходности.

Почему никто не хочет помочь мне?

Мог ли я полюбить эту учительницу? А без любви как мне освоить русский язык?

Контрольная для учителя

Ее в классе никто не любил, ибо она сама не любила нас: никогда не защищала нас, только ругала и пугала, доносила о наших «выходках» директору, проводила строгие контрольные, ставила много двоек и называла нас тупицами. Нам русский язык давался с большим трудом, кроме тех немногих, которые овладели русской речью в семье. Ребята были не прочь при любом случае тоже оказать ей свои «услуги».

Было это в седьмом классе. Входит она на урок недовольная, бросает на стол кипу тетрадей для контрольных и говорит раздраженно, что мы не справились с этой письменной работой и все мы умственно отсталые.

Начинает работу над исправлением ошибок.

– Гоги, встань! – Гоги у нас лучший знаток русского языка, он редко допускал ошибки в контрольных.

Гоги чинно встает и готовится выслушать упрек учительницы.

– Скажи, как пишется слово «вместе»?

Гоги отвечает подчеркнуто разборчиво:

– Слово «вместе» пишется вместе...

– А как ты в контрольной написал? – тон учительницы означает: «Как тебе не стыдно!»

– Я в контрольной слово «вместе» написал отдельно – «в месте»...

– А разве я не объяснила вам, как это слово пишется?

– Да, вы объяснили, но я все же допустил ошибку...

– Вот за это тебе и «два»...

– А вы не спросили, почему я допустил ошибку...

– И почему же?

– Я ошибку допустил для вашей проверки...

– Что?!

– На этот раз вы справились – нашли мою ошибку, и я ставлю вам «пять»...

– Что ты мелешь?!

– В прежних же контрольных, – продолжает Гоги спокойно, – вы не обнаружили три ошибки, которые я специально допустил для вашей проверки, и я поставил вам три «двойки»... Скажите, как пишется слово...

– Как ты смеешь, наглец...

– Если я наглец, то и смею... Но на этот раз вам еще одна двойка за грубость...

– Вон из класса!

– Это еще одна «двойка» вам за поведение...

– Убирайся...

Работа над ошибками провалилась.

Английский грузинскими буквами

Об учительнице английского языка. Она совсем молодая красивая женщина. Строгая, нервная, недовольная. Даёт нам первые уроки английского.

Ставит мне двойку. За что? Хочу спросить, но она может накричать на меня, нагрубить. Она такая. В следующий раз опять ставит двойку. В конце урока подзывает к себе и тихо говорит:

– Ты хороший мальчик, мне жалко оставлять тебя на второй год, займись с репетитором...

Мама узнаёт её домашний адрес, и мы идём к ней.

Сперва – «нет-нет», а потом соглашается давать мне частные уроки.

В неделю два раза я хожу к ней домой. Мы открываем учебник и грузинскими буквами под английским текстом пишем транскрипции. Получается, что я читаю английский текст грузинскими буквами. На уроках, когда она вызывает меня к доске, я так и делаю, и вместо двоек ставит она мне тройки, порой – четвёрки.

Она строго предупредила меня, чтобы в классе я не проболтался и никому не сказал, у кого я беру частные уроки.

Мамину жалкую пенсию в месяц раз я передаю ей, а это происходит в 1944 году.

Она довольна мной, говорит другим учителям, что я способный мальчик. Конечно, я не мог её любить.

Единица на всех, шишки по голове каждому

Учитель физкультуры.

Добродушный крикун. Мог дать подзатыльник ученику, выругать его с отцовской заботой.

Весь класс решил прогулять уроки целого дня и спастись от трёх контрольных.

Директор поручил учителю физкультуры разыскать нас. Тот нас не нашёл. Искал по всему Тбилиси, но не додумался, что мы могли быть в зоопарке и веселиться.

На другой день озлобленный на нас учитель физкультуры, вместо того, чтобы провести урок, предпринял следующее: сперва обругал нас всеми дозволенными и недозволенными словами, обещая ужасные последствия за нашу дерзость; потом провёл в журнале линейкой вертикальную линию, приделал сверху носик, а внизу – опору; так получилась одна большая единица на всех, единицу записал каждому из нас в дневнике; далее, вызывая нас по двое, ставил бок о бок друг к другу, а сам сзади обеими руками ударял наши головы друг об друга. У каждого на голове образовалась шишка. А потом принудил нас написать заверение, что больше никогда мы не посмеём прогуливать уроки.

Делал он всё это вполне серьёзно и, полагаю, с верою, что свершает педагогическую задачу – воспитывает нас, но, по всей вероятности, и с чувством мщения за то, что мы оказались прозорливее и скрылись так, что он не смог нас разыскать. Значит, не смог выполнить и задание директора.

Он был пожилой мужчина, «опытный» учитель физкультуры, ему поручалось выполнение всех силовых заданий.

Мы были тогда в восьмом классе.

Можно ли обнаружить в этом «педагогическом» деянии какой-нибудь след искренней любви к нам?

Мы никому не пожаловались за шишки и долго тешились над нашим учителем. А общая единица в журнале осталась в памяти как анекдот.

Я знаю «Эй, би, си, ди»...

Пришёл новый учитель английского языка (это уже по счёту который!) и обнаружил, что мы, семиклассники, не знаем наизусть английский алфавит. Он не смог этого допустить. Почти полгода он упражнял нас в заучивании алфавита: на каждом уроке вызывал по десять-двенадцать учеников, и они должны были скороговоркой произнести весь алфавит. За малейшее запинание ставил двойку, но если кто произносил весь порядок алфавита сразу и без заминки, ставил пять. Однако со временем кто-то мог забыть, потому он постоянно проверял прочность наших знаний, неожиданно вызывая нас. Так я получил по английскому четыре или пять пятёрок.

Английский я у него, конечно, не выучил. Мне от него в подарок остался зазубренный английский алфавит. Это знание в моей жизни не стоило и выеденного яйца. Оно так и лежит в складах моего сознания рядом с никчемными клочками знаний от химии, физики, математики, биологии, от некоторых других так называемых учебных предметов.

Не знаю, должен ли я быть благодарен учителю, который так закрепил во мне знание английского алфавита, вместо того чтобы дарить мне живую английскую речь, вкус к чтению английской поэзии, дарить хотя бы сто слов и сто прекрасных предложений!

Созвездие учителей

Школа, где я учился, не была заброшенной. Она была большая, прославленная и стояла в центре Тбилиси.

Чем же славилась моя мужская школа? Было чем.

Размышляя об этом, я прихожу к выводу, что каждая школа имеет (во всяком случае, так это должно быть) своё созвездие учителей. Это созвездие может состоять из двух, из трёх, из четырёх, может быть, если повезёт, из семи звёзд. В крайнем случае, должна быть хоть одна звезда, светлая, яркая. Это созвездие учителей и создаёт славу той или иной школы.

Если из школы уйдёт созвездие учителей, спустя некоторое время слава школы погаснет. Вот такое созвездие учителей прославило мою школу. Его составляли всего три-четыре учителя. Среди них: Варвара Вардиашвили (учитель грузинского языка и литературы), Георгий Мгалоблишвили (учитель истории), Тамар Казахашвили (учитель математики).

Они, конечно, отличались друг от друга, но было нечто, что их объединяло и отличало от всех остальных. Это нечто было то, что я хочу назвать Педагогической Любовью, Учительской Любовью. Дать полную характеристику и раскрыть всю сущность такой Любви мне будет трудно. Однако я попытаюсь сделать то, что в моих силах. Для этого мне понадобится проследить за своей судьбой.

Мы очарованы. Что дальше будет?

Как ни странно, я – круглый двоечник до седьмого класса, потом – круглый троечник, а закончил школу на золотую медаль. Как это могло произойти?

Итак, я в седьмом классе, это 1945–1946 учебный год.

Мы узнаём, что грузинскому языку и литературе нас будет учить Варвара Вардиашвили. Это вызвало в нас восторг.

Мы были наслышаны о ней – все ученики из других классов любили её. Рассказывали об её удивительных уроках, о её доброте и внимательности, о том, как она помогает всем; говорили о её справедливости и о том, как она защищает своих учеников. «У неё нельзя не учиться», – говорили нам старшеклассники.

О ней шли легенды. Она была заслуженным учителем. Дважды была награждена орденом Ленина.

Седая, полная, невысокого роста, с мягкой и спокойной походкой, обаятельная, с очаровательной улыбкой, с бархатистым голосом, который никогда не повышался, сдержанная, с ласковым и пронизательным взглядом. Что ещё сказать? Незамужняя, бездетная.

Настал день. Мы ждали её, и она вошла в класс. Мы встали.

– Здравствуйте... – сказала она тоном и вибрацией, которые я, спустя годы, буду вспоминать и исследовать. По моему телу пробежали мурашки: это была необычная ласка, долгожданная.

И мы ответили ей не так, как здоровались с другими учителями, а также нежно, тихо.

Потом она сказала:

– Спасибо...

За что «спасибо»? За то, что мы ответили на приветствие приветствием?

Но «спасибо» было искреннее.

Потом она направила свои мудрые глаза на каждого из нас. Посмотрела на меня тоже. Я утонул в них.

– Садитесь, пожалуйста... – сказала она.

Мы садимся.

Каждый из нас уже очарован. Что дальше будет?

Что в имени учителя

В те годы я, разумеется, не был способен на обобщения, но сейчас, размышляя над тогдашним состоянием моего духа, могу сказать, в чём заключалась магическая сила влияния Варвары Вардиашвили: в её имени, которое строило в нас воображение о ней, и в первой встрече, которая превзошла наши ожидания.

Имя учителя может нести мощный воспитательный заряд, но, к сожалению, может быть и таким, от которого не надо ждать чего-то радостного.

Имя может быть

воодушевляющее
запугивающее
ни рыба, ни мясо
прославленное
дурное.

Разные бывают имена у учителей.

В имени Варвары Вардиашвили был заключён не столько опыт, сколько тихое горение, преданность, мудрость, терпение, понимание. Всё это, конечно, в педагогическом смысле. Это было особое сочетание того, что я хочу назвать Учительской, Педагогической Любовью. Любовь эта была с огранкой, как бриллиант. Она любила детей не абстрактно, а всех нас вместе и каждого в отдельности, каждого по-своему. Она любила нас и владела мудростью – как нас любить. И так как она берегла своё Имя и заполняла его лучшими педагогическими оттенками всю жизнь, то Имя её в будущих учениках, которые ещё не соприкоснулись с ней, вызывало почтение, почитание, трепет, настраивало их на взаимность.

Имя Варвары Вардиашвили вошло в наше сознание и настроило нас на лад созвучия, привело нас в готовность следовать за ней.

Вся школа звала её «Дейда Варо». «Дейда» в переводе на русский значит «тётя», но семантика этого слова имеет следующий смысл: «мамина сестра». Дейда Варо для каждого её ученика была маминой сестрой. Это означало, что в ней была забота о каждом, каждый мог обращаться к ней за помощью, поддержкой, защитой; каждый мог надеяться, что найдёт в ней сочувствие, сострадание. Это означало большее: Дейда Варо сама спешила помогать, со-радоваться и сочувствовать, сама бралась на защиту того, кто в этом нуждался.

В школе не принято звать учительницу тётей, но в нашей школе это было принято только в отношении Варвары Вардиашвили, надо было лишь набраться смелости и перешагнуть барьер условностей. Я только через год осмелился обратиться к ней «Дейда Варо», и это произошло само собой, естественно, ибо она действительно стала «сестрой» моей матери, то есть, второй матерью для меня.

Подарок

А теперь о первой встрече.

Мы были семиклассниками и, разумеется, не могли охватить всю полноту славы нашей учительницы. Ожидание наше было неопределённое: будет нечто необычное и обязательно прекрасное. Но что?

И то, что произошло, превзошло наше ожидание необычности.

Конечно, мы воспринимали нашу учительницу на фоне того опыта, который сложился у нас в общении с другими учителями. Кого-то из нас они сделали агрессивными и недоверчивыми, провоцировали на грубость, на конфликты. В ком-то зародили страх, апатию, неуверенность в себе. Кто-то стал злостным правонарушителем и непослушным. Некоторые стали нигилистами, другие – молчаливыми и послушными. Так «мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь».

Учителя входили на урок со строгим лицом и сразу выясняли выполнение домашних заданий; потом проводили строгий опрос и ставили отметки; потом пересказывали очередной параграф из учебника или упражняли в решении разных задач и примеров. Далее напоминали, что скоро будут контрольные работы. В конце задавали завтрашнюю порцию домашних заданий и удалялись. Каждый из нас наизусть знал, с чего начнёт и чем кончит урок тот или иной учитель. По логике вещей, они старались для нас, но мы воспринимали всё это как принуждение.

А новая наша учительница вошла с доброй, приветливой улыбкой, поздоровалась бархатистым голосом, сказала нам спасибо, взглянула всем в глаза. Это уже было необычно. А потом – вдруг – спросила:

– Ребята, вы любите стихи?

Нам никто не прививал любовь к стихам; прежний учитель требовал от нас выучить наизусть заданное стихотворение и отбарабанить его на уроке. Никогда не задавал он вопроса, нравятся ли нам эти стихи.

Но на вопрос новой учительницы мы ответили – «да», ещё не зная, что за этим последует.

– Прекрасно, – сказала она, – давайте тогда почитаю вам стихи...

Она держала в руках сборник стихов. Книга была потрёпанная.

– Стихи я посвящаю каждому из вас... Читаю стихи для тебя, Гоги! Думаю, они тебе понравятся...

Она назвала имя ученика; откуда она его знает? Гоги, этот нигилист, от неожиданности растерялся.

Прочла она стихи удивительно искусно, стихи из высокой поэзии. Мы оказались под впечатлением.

Она выдержала паузу.

– Гоги, ну как стихи?

– Очень хорошие... – произнёс зачарованный Гоги.

Гоги воспитывался без родителей. Ему никогда ни один учитель не посвящал ничего. И другим тоже никогда не доводилось получить такой подарок от какого-либо учителя.

– Вам тоже понравились стихи? – спросила она нас.

– Да... – тихо и искренне прошептал весь класс.

– И моё чтение понравилось?

– Да... – опять прошептали мы.

– Тогда поплодируйте мне, пожалуйста...

Мы поплодировали.

– Спасибо, – сказала она, – а теперь посвятим стихи... – она окинула взглядом всех и остановила его на Гураме, – тебе, Гурам...

Седьмым или восьмым она назвала меня.

Сердце моё забилося звучно и быстрее от осознания своей значимости.

– Думаю, у тебя особая любовь к стихам, Шалва...

Её голос, мелодичность чтения, сами стихи вливались в мою душу как яркий свет, несущий какое-то странное, радостное, до сих пор не испытанное мною чувство; мне хотелось плакать... Она ведь читает стихи для меня, посвящает их мне!

Потом она спрашивает:

– Ну, как, Шалико... – она назвала меня ласкательным именем, – Примешь мой подарок?

– Да... – произнёс я шёпотом и, наверное, подбежал бы к ней, обнял бы её. Но этого я не сделал, а, сидя за партой, стал украдкой смахивать слёзы.

Что я пережил тогда? Какое это было необыкновенное ощущение? Тогда я этого не знал, но теперь могу сказать: я почувствовал, что она меня любит, она признаёт меня, она моя, у меня есть Учитель...

Она – моя

Как она нас любила?

Любила вот какими способами: на уроках языка мы превращались в лингвистов – исследовали, определяли, опровергали, устанавливали, открывали. Это происходило так, как на научном симпозиуме или в научных лабораториях. Или же, как будто собрались случайно или преднамеренно люди смежных специальностей и задели в разговоре какой-либо вопрос, в обсуждении которого мысль каждого имеет исключительное значение для понимания проблемы. Мы приучались делать это спокойно, с уважением друг к другу.

Время от времени она спрашивала:

– Не пора ли проверить, каким специалистом стал каждый из вас?

Это для неё были плановые контрольные работы, а для каждого из нас – проба собственных способностей и знаний. Она никогда не пугала нас последствиями таких работ, а возможность успеха перед нами никогда не закрывалась. Она – наша учительница – зарождала в каждом из нас устремлённость и торжественность.

Так я стал получать от неё первые пятёрки. Первые пятёрки получали и другие мои одноклассники.

На уроках литературы она любила нас тоже необычно. Уроки принимали вид художественного чтения. Читала сама, и мы слушали с упоением. Потом открыла среди нас нескольких чтецов, и они приходили с книгами разных авторов и читали.

Мы поневоле становились чтецами, литературными «критиками». Она не принимала слово «критика», когда надо обязательно искать недостатки и гордо на них указывать. Наша критика была, скорее всего, развитие и совершенствование наших литературных вкусов и интересов, путь поиска собственных оценок и мировоззрения. Она радовалась, когда видела в наших руках книги классиков литературы, книги утончённых поэтов. Внимательно выслушивала наши отзывы о них. Были случаи, когда обращалась к кому-либо из нас:

– Ты не мог бы дать мне эту книгу почитать на пару дней?

И когда с этой просьбой однажды обратилась и ко мне, я был очень горд и рад. А спустя пару дней, вернув книгу, сказала:

– У тебя хороший вкус, раз такие книги читаешь... Спасибо, я получила удовольствие...

Что ещё было нужно для того, чтобы я пристрастился к чтению? Я жадно искал книги. У меня ведь «хороший вкус», потому выбирал их. И она всегда замечала, что я читаю на этот раз, вела со мной непринуждённый разговор о книге, делилась своими впечатлениями.

«Я», «со мной»...

Я принял её и думал, что она только моя Учительница. Но потом, спустя годы, убедился: каждый из её бывших учеников тоже считал, что она была только его Учителем.

Мы смотрим на тихо плачущую учительницу

Самым лучшим чтецом в классе был Сандрик Ахметели. Он был сыном известного режиссёра Александра Ахметели, репрессированного в тридцатых годах. Мать, актриса, тоже была репрессирована. Наша учительница, разумеется, знала об этом и, полагаю, проявляла особую заботу о нем.

Сандрик заявил на уроке:

– Я нашёл прекрасные стихи в отцовской библиотеке. Хотите, прочитаю?

– А вы хотите, ребята, послушать стихи? – обратилась она к нам.

Хотели, конечно.

Мы приготовились слушать.

Сандрик занял место перед доской, открыл книгу и начал читать. Когда он читал что-то литературное, он забывал обо всём, читал вдохновенно, с переживаниями.

На этот раз было тоже так.

Читает стихи – одно, второе, третье...

Мы не аплодируем, слушаем.

И вдруг видим: стоит наша учительница у окна, спиной к нам, держит в руке свой кружевной шёлковый носовой платок и вытирает слёзы.

Сандрик читает, а она плачет.

Сандрик поглощён стихами, не видит, что с учительницей происходит.

А мы слушаем стихи и смотрим на тихо плачущую учительницу.

Сандрик очнулся, когда услышал колокольный звонок об окончании урока.

Учительница с покрасневшими глазами подошла к Сандрику, поцеловала его в лоб и сказала:

– Дай мне, пожалуйста, этот сборник...

Позже мы узнали, что Сандрик читал нам стихи запрещённого автора, убитого в 30-е годы, – Тициана Табидзе.

На этот раз она не вернула книгу своему ученику.

Спустя год с Сандриком произошла трагедия. Он узнал, что мать жива, она создала в Сибири кукольный театр и ставит спектакли для детей. Кто-то от неё приехал с письмом. Счастливый Сандрик поехал к тому человеку и забрал письмо, а на обратном пути попал под трамвай.

Это было большое горе для родных и для нас тоже: из нашего класса первым ушёл из жизни талантливый Сандрик, всеобщий любимец.

Моя учительница поручила мне написать прощальное слово и зачитать у гроба. Она не скрывала своих обильных слёз и рыдания. Сандрик, по-моему, первым обратился к ней «Дейда Варо» и в обращении не было ничего лишнего: она действительно заменяла ему мать.

Во мне поэтический дар

Однажды в начале учебного года она подозвала меня пальчиком к себе.

Мягкая, еле заметная улыбка на её лице была притягивающей, согревающей, нежной. Она воспитывает, любит меня улыбкою своею. Улыбка – лучик души. Видимо, душа у неё – как Солнце, а этот лучик она сотворила для меня. Вспоминаю эту улыбку и заглядываю в зеркало: можно ли подражать ей и так же улыбнуться детям? Наверное, нет, не получается. Но успокаиваю себя: ведь можно, чтобы я преобразил душу свою в Солнце и творил для детей и для каждого Ребёнка неповторимые улыбки.

Мы уединились у окна, и она тихо говорит мне:

– Мальчик, по твоему взгляду, твоим рассуждениям я чувствую, что у тебя должен быть поэтический дар. Ты стихи пишешь?

Да, я пробовал писать стихи, но об этом никто не знал. Я покраснел.

– Покажи мне свои стихи, если они у тебя есть...

В тот день для меня не было другого занятия, кроме как писать стихи. У меня ведь поэтический дар! Потом я аккуратно переписал свои сочинения в тетрадь, и на другой день, дождавшись в коридоре, застенчиво передал ей.

– Спасибо за доверие... – сказала она с той божественной улыбкой, которую хранила только для меня.

Спустя несколько дней произошло такое событие: она продиктовала всем строфу из моих стихов и попросила провести грамматический разбор и содержательный анализ. А в конце всего сказала:

– Поблагодарим Шалико, это его стихи...

Ребята ахнули: он – поэт?!

Дело было вовсе не в том, был я поэтом или нет, а в том, что во мне укрепились вера в себя: я совсем не такой, каким меня принимают многие учителя, я тоже что-то значу. Всели это чувство, Учитель, в своего отторгнутого другими учителями ученика – и ты вдохновишь его, он воспрянет, он изменится!

Она готовила меня для спасения

Шло время. Я увлёкся стихами и даже печатался в детских журналах и газетах, читал стихи в литературных кружках, на торжественных собраниях, встречался с известными грузинскими поэтами, выступал даже перед Николаем Тихоновым, известным русским поэтом.

Поэтом я не стал, об этом не жалею. Но точно знаю: моя учительница искала во мне не будущего поэта для Грузии, а готовила меня, чтобы я крепко ухватился за спасательный круг, который она собиралась бросить мне. Моё увлечение поэзией вовсе не радовало других учителей, никто не приветствовал моего поэтического дара, не хвалил меня; скорее это даже раздражало их, что я, мол, запускаю их уроки и задания. В журнале вдоль моей фамилии умножались двойки по химии, физике, математике, биологии и, конечно же, по русскому языку. Я тонул.

Иногда, когда у нас не было урока любимой учительницы, я, выходя из дома, садился в трамвай и весь день катался по городу. Возвращался домой вроде бы после уроков и, как заяц, держал ухо востро: не узнала ли мама о моём прогуле.

Что знала обо мне моя учительница?

Знала всё, что ей было необходимо знать: и то, что отец погиб на войне, и то, что мама у меня инвалид второй группы, и то, что есть у меня младшая сестрёнка... Знала, что думают обо мне другие учителя. Знала и то, чего я сам о себе не знал.

– Ты не сможешь мне отнести тетради домой? – спросила она у меня однажды. Я порадовался: конечно, помогу.

Мы шли вместе по тихой улице Казбеки, она спрашивала, что я сейчас читаю, не написал ли я новые стихи, не хочу ли я включиться в литературный кружок, в котором участвуют старшеклассники. Потом спрашивала об отце – кем он был, где погиб; спрашивала о маме... Так мы дошли до её дома и поднялись на второй этаж. Я думал, что она возьмёт у меня тетради, и я пойду домой. Но она пригласила войти в свою маленькую двухкомнатную квартиру. Мы знали, что она живёт вместе со своей сестрой, которая тоже была учительницей и работала в другой школе, и племянницей. Дома никого не было.

– Пообедаем вместе... – сказала она просто, как будто это обычно так и происходило.

Мне было неудобно, но бархатистый голос и улыбка пленили меня.

Мы поели суп с куском хлеба. Год ведь был 1945, люди голодали. Она тоже голодала, и этот кусок хлеба мне достался от её дневной нормы, выдаваемой по карточкам.

Она поблагодарила, что помог ей донести тетради. Потом выбрала из книжного шкафа толстую книгу о грузинской литературе, сделала надпись и передала мне.

– Спасибо, Дейда Варо... – сказала моё сердце, переполненное чувством искренней любви к этой женщине.

На крыльях бежал я домой, и всё заглядывал в книгу, где её рукой было написано: «Моему талантливому ученику».

Она знала, как надо меня любить, чтобы спасти.

Думаю, моя мама в тот день впервые поверила, что её сын – способный, что не всё потеряно.

Момент истины

Вся предварительная работа сделана.

Она даёт на уроке всем творческое сочинение, сама уединяется у окна и открывает сборник стихов. Она не будет с недоверием ходить вдоль рядов и проверять, кто пишет, а кто – нет. Не будет зорко следить со своего наблюдательного пункта, не списывает ли кто. Каждый из нас в любой момент может подойти к ней и, шепча, посоветоваться. Если всё же возникнет необходимость самой подойти к кому-либо, она сделает это бесшумно, будет приближаться на цыпочках, чтобы не нарушить наше творческое горение. Она уважает наш творческий труд.

Я соображаю, как писать сочинение, какие мысли развивать, по какому плану. Начинаю писать, увлечён, погружаюсь в мысли. И не замечаю, как она, держа в руках книгу, приближается ко мне. И когда она наклонилась к моему уху, только тогда я взглянул ей в лицо.

На этот раз она не дарит мне мою любимую улыбку, лицо у неё грустное. Она наклоняется, приближаясь к моему лицу, так что её седые волосы касаются моей щеки. Я чувствую нежный запах духов. На ней кремовая шёлковая кофточка с перламутровыми пуговками. На кофточке – старинная серебряная брошь. Её глаза – ласково-грустные – вобрали меня в себя. Мне трудно выдерживать эту непонятную грусть. Опускаю голову. Её губы прикасаются к моему правому уху и посылают мне всю свою грусть и боль прямо в душу, прямо в сердце:

– Мальчик, – шепчет она, – мои пятёрки краснеют рядом с двойками... Как быть?..

Она знает, что после этого я сочинение дальше писать не смогу. Но на фоне того ожидания, что может произойти, разве это важно?

Как в педагогике назвать вот это действие – что это за приём, способ, метод, принцип?..

Нет этому названия.

Потому, спустя десятилетия, я назвал его моментом педагогической истины. В этих мгновениях, когда ученик души не чаёт в учителе, а мудрость учителя чувствует, что именно сейчас, не раньше, не позже, нужно помочь ученику выправить путь, может произойти воспитательное чудо. Момент педагогической истины состоит из встречи двух его составных: первое – само предчувствие наступления этого мгновения, второе – искусство воспользоваться мгновением. Вне этого мгновения искусство может быть бесполезным, без искусства мгновение унесёт водопад времени без всякого следа.

Она не ждёт от меня ответа, так же бесшумно возвращается к окну, но книгу уже не читает, смотрит в небо, может быть, молится в душе.

А в душе моей происходит взрыв.

Я закрываю голову руками и начинаю тихо плакать, чтобы рядом сидящий не догадался, в чём дело.

Пятёрки моей учительницы краснеют рядом с двойками.

Дело не в пятёрках, а в том, что в них любовь моей учительницы ко мне. А эти двойки могут навредить этой, – самой дорогой, что мне досталось за последние месяцы, – Любви!

Я причиняю учительнице боль – и мне больно от этого.

Мне стыдно перед Дейда Варо, потому что ей стыдно за меня.

Что нужно делать, чтобы пятёрки не краснели, чтобы уберечь Любовь любимого учителя ко мне?

Надо уничтожить эти двойки.

Моё сознание меняется, чувствую суровость долга перед погибшим отцом, перед больной матерью, перед Дейда Варо.

Меняется моё сознание, и оно меняют мою жизнь. Начинаю применять те усилия, которые соизмеримы с принципом:

тебе, утопающему, подали спасательный круг – Любовь, береги её сейчас.

Я доказываю, внушаю самому себе, что во мне есть способности, и всё в моих руках.

Я внимателен на всех уроках, многое не понимаю, потому начинаю приставать к учителям, чтобы объяснили дополнительно, прошу друзей-одноклассников, продвинутых в науках, чтобы помогли мне. Но так как многое сразу понять не могу, то зазубриваю формулы и параграфы. Только вот проблема с учителем русского языка: она не хочет видеть мои старания. Мама моего друга, узнав о моей беспомощности в русском, сама предложила помощь – помогала понимать тексты, выполнять грамматические упражнения.

Спустя два-три месяца моя школьная погода чуточку прояснилась: двойки потеснились, появились тройки, иногда даже четвёрки и пятёрки.

Моя любимая учительница следит, как я преуспеваю, и радуется, улыбается, поощряет.

А однажды просит меня сопровождать её на спектакль в театр Руставели. У меня, говорит, два билета, племянница моя не может пойти со мной, у неё занятие по музыке, может быть, ты пойдёшь со мной?

В тот вечер я был самым нарядным в жизни и учился быть элегантным.

Героическая Любовь

Если кто-то спросил бы в те суровые сороковые годы у Варвары Вардиашвили, как она любит детей, я уверен, она бы не ответила так: «Очень люблю». Она просто улыбнулась бы и пожала плечами.

Но она любила своих учеников героически.

Перескажу эту историю ещё раз, чтобы самому разобраться в сути Героической Любви Учителя.

В день первого сентября восьмого класса она сказала нам:

– Может быть, это будет нелегко, но пусть каждый достанет поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Достать книгу Руставели в то время было действительно трудно. Я обошёл всех соседей, мама ходила к знакомым, и когда я уже отчаялся, ко мне пришёл одноклассник и сказал, что он достал сразу два экземпляра и один может дать мне.

Книгу я тут же начал листать, вычитывать отдельные главы. На следующем уроке наша учительница с интересом выслушивала каждого, какими похождениями, где, у кого обнаружил, достал поэму Руставели, какого года издания книга, под редакцией кого и т. д., а потом предложила написать об этом.

– Давайте не забудем, с каким трудом каждый из вас добывал «Витязя в тигровой шкуре»...

А дальше произошло следующее: в течение всего года, – а это был 1946–1947 учебный год, мы изучали поэму. Читали, перечитывали, размышляли, исследовали, заучивали наизусть некоторые главы, писали сочинения, эссе, доклады, выписывали мудрости, осмысливали духовно-нравственный облик героев, пытались разобраться в философии Руставели.

В общем, класс наш превратился в творческую лабораторию, и каждый из нас стал руствеловедом. Уроки по Руставели не имели никакого штампа, они не были похожи ни на какие другие уроки. Мы спешили на них и многое делали после уроков. Мы жили поэмой, мыслями гениального поэта, жизнью её героев. Мы гордились, что у грузин есть «Витязь в тигровой шкуре».

В чём же проявилась Героическая Любовь Учителя к нам?

Вот в чём. В восьмом классе, как я потом разобрался, будучи уже аспирантом, нам следовало изучать литературные произведения о партии, о вождях, о социалистическом реализме. Тогдашние школьные программы были вроде партийных документов, и отходить от них ни один учитель не имел права. Такие деяния были связаны с большими опасностями. Если в партийных органах узнали бы, чем с нами занимается наша учительница, её моментально не стало бы в школе, она просто исчезла бы, и не уберегли бы её от беды ни два ордена Ленина, ни звание заслуженного учителя. Партия не шутила с такими проявлениями.

Зачем же Варвара Вардиашвили это сделала? Только спустя десятилетия я открыл для себя эту тайну. Она имеет несколько составных.

Во-первых, она воспитывала нас героями, потому нужно было ей самой свершить героический поступок и оставить его в нашей памяти. Она знала, что добрая память есть пожизненный воспитатель для человека.

Во-вторых, «Витязь в тигровой шкуре» можно рассматривать как Пятое Евангелие для грузин. Поэма несёт народу духовно-нравственный кодекс жизни. В ней синтезируются: вера в Творца, культ возвышенной Любви, культ Преданности, культ Рыцарства, культ Правды, культ Добра. Грузин, воспитанный и пропитанный идеями поэмы, будет иметь расширенное от Земли до Небес сознание, он не допустит в себе зла и предательства, его отношение к женщине будет трепетным, он будет искать в себе лучшие качества человечности.

В-третьих, он поймёт, наследником какой возвышенной культуры он является, уберёжёт и умножит эту культуру, будет нести её в дар другим народам. Пусть гордится он, что его Родина есть Родина Руставели – всемирного гения.

В-четвёртых, «Витязь в тигровой шкуре» наполняет сердце и разум читателя изысканной мудростью, делает его умным, заботливым, честным, смелым, помогает ему развить в себе возвышенные мировоззренческие начала.

Это и было высшим проявлением Великой Героической Любви Учителя к своим ученикам.

И когда некий современный учитель скажет: «Детей-то люблю, но трогать программу (конечно, когда её действительно надо менять) мне не позволят», я вспоминаю свою учительницу, и мне становится грустно. Трусливый учитель детей любить не может, ибо он бросит их при любой опасности, он предаст их. Любовь его будет ложью, а дети чувствуют ложь, фальшь в деяниях своих учителей. Не полюбят они такого учителя.

Тетрадь для математики и стихов

Влияние Варвары Вардиашвили на всех моих одноклассников было велико – мы облагораживались. Но влияли на нас и другие учителя, большинство из которых следовали силовым подходам, приказам и принуждениям. После того как мы познали учительскую любовь и одухотворяющее общение, уроки других учителей и общение с нами вызывало в нас большее раздражение. Потому ребята часто удирали с уроков, срывали уроки. Под влиянием «Витязя в тигровой шкуре» я даже написал целую поэму – «Хвала шатало» (шатало – от русского шататься; этот жаргон обозначал бегство с уроков). Одноклассники позаботились размножить рукописный вариант, и поэма распространилась по всей школе, читали её ученики с седьмого по одиннадцатый класс, смеялись, веселились. Она вдохновляла многих тоже ходить на шатало. Учителя знали кое-что о моём произведении, но никто им его не показывал, ибо это было опасно: в нём некоторые учителя высмеивались.

Однажды Дейда Варо подозвала меня к себе и спросила:

– Ты от меня что-то скрываешь?

Я покраснел.

– Завтра я вам передам... – сказал я.

В ту ночь я и мои друзья очень постарались: на пишущей машинке отпечатали всю поэму (она была длинная, из десяти историй), сделали несколько рисунков, сшили как подobaет книге, и на следующее утро наша группа (автор, редактор, художник, корректор) преподнесла её учительнице. Она поэму никому из учителей не показала. Но, как я узнал потом, на педсовете велось обсуждение того, как пресечь бегство учеников с уроков. Многие предлагали ужесточить меры, наказывать организаторов, кого-то исключить из комсомола (напугать, во всяком случае, исключением из организации), созвать родительские собрания и потребовать от них следить за своими детьми.

А кто были родители?

В основном, мамы и бабушки, ибо папы или погибли на фронте, или ещё не вернулись с войны, или вернулись инвалидами. До нас дошли слухи о том, как Варвара Вардиашвили и ещё двое учителей защищали нас и советовали коллегам изменить отношение к своим ученикам, подумать, как изгнать скуку с уроков. Но тогда эти идеи считались непедagogичными.

В моей жизни в восьмом классе произошло ещё одно радостное событие. К нам пришла новая учительница математики. Она была старая и давно работала в школе, но пришла в наш класс после того, как предыдущий не смог взять нас в руки и покинул школу. А его заменила прославленная учительница Тамара Казахашвили. Нам было известно, что Варвара Вардиашвили и Тамара Казахашвили дружат друг с другом.

Потому наша любовь к Дейде Варо распространилась и на учителя математики. А событием в моей жизни было то, что математика вдруг стала мне доступна, и я даже сделал доклад по иррациональным числам. Я завёл тетрадь «для математики и стихов». А учительница похвалила меня. «Как интересно править твою тетрадь, – сказала она мне, – такое впервые в моей жизни». Я научился решать задачи и примеры, и появились первые пятёрки по математике. Год тому назад об этом я и мечтать не мог.

Люби ближнего своего как себя самого

На уроках любимого учителя мы обсуждали такие произведения и таким способом, что менялось наше отношение к самим себе и окружающим. При этом всё строилось на основе идей «Витязя в тигровой шкуре»; эта поэма была опорой для наших духовно-нравственных исканий. И в классе происходили изменения – они происходили медленно, но были заметны: самые отчаянные – успокаивались, отстающие – подтягивались, грубияны становились мягче.

В девятом, десятом, одиннадцатом классах мы поднялись до такого уровня, что нас хвалили и нам удивлялись. Отношения с учителями пошли на лад.

Думаю, особую роль в этом сыграли доверительные разговоры Дейда Варо с нами. С одной стороны, она, наверное, хотела донести до нас христианскую заповедь: «Люби ближнего своего как себя самого». С другой же, как будто к слову, она то и дело рассказывала нам о судьбе некоторых наших учителей, с которыми мы постоянно конфликтовали и которые не могли поступиться традиционно закреплёнными принципами авторитаризма. Она знала, что учителя эти не изменятся, значит, надо было изменить наше отношение к ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.